

ОТ ГАНГУТА ДО БЕРЛИНА

Тяжелые дни осени 1941 года. В глубоком тылу противника на полуострове Ханко под непрерывным огнем, укрывшись в подвале разрушенного дома, мы готовили октябрьский номер газеты «Красный Гангут».

В центре сатирической странички был помещен мой шарж на Гитлера со стихами поэта М. Дудина.

«Шли годы... Кровавопролитные бои морской пехоты под Новороссийском и Туапсе, десант на Малую землю... У одного десантника, шестнадцатилетнего добровольца, на прикладе автомата было вырезано ноллом: «Дашь Берлин!» Командир говорил:

— Мальчишка! Портит боевое оружие! А нехочу дать руку не поднимается — устами младенца глаголет истина.

«И вот мы в горящем Берлине. Я спускаюсь в подвал. Не в свой подвал на оплешенном Гангуте, а в убежище самого Гитлера под новой имперской канцелярией.

Какой-то кабинет. Находим бланки с грифом Фюрера и его факсимиле. На одном из них я быстро набросал шарж.

Подписав дату и место действия, я спрятал листок в папку, где он и пролежал двадцать лет.

Ты на победу не надейся,
Кровавы, бешеный подвиг,
Как, ты веревочку, ни веся,—
Есть у веревочки конец.

Не знаю, была ли это мой сотый или тысячный шарж на Гитлера. Но, несомненно, последний. Да еще скрепленный его личной подписью.

Борис ПРОХОРОВ,
лауреат Ленинской премии.

Der Führer und Reichskanzler

4. Октября

май 1945 г.

Берлин

Имперская канцелярия

Докладывает рядовой Шахно

Блокада Ленинграда еще не полностью прорвана. Волжский фронт наступает... Сосканиваю с грузовика, направляюсь к полку, который сейчас пойдет в бой. Большая поляна. На опушке леса палатки. Полк строится. Ждут начальники штаба дивизии, который будет вручать боевые награды.

В стороне от палатки на одном тупо сидит безволосый кустовик, лейтенант Самохин, на другом — недавший портной из украинского мететика солдат Шахно. С обоих катится пот.

Самохин уже полтора часа самоотверженно пытается научить Шахно последовательно произносить ровно десять слов доклада: «Товарищ гвардии полковник, рядовой Шахно явился за получением правительственной награды». Вот и все!

Эту фразу тысячу раз четко произнес лейтенант Самохин и ни разу — рядовой Шахно. Он смотрит на полковника сочувствующими глазами и никак не может усвоить словесную премудрость.

Мне жаль, обоих... Послышалась команда «Раннийсь!». Лейтенант безнадежно махнул рукой. Солдат поспешил в строй.

Дошла очередь до Шахно. Назвав его фамилию, офицер штаба полка добавил: «Награжден орденом Славы второй степени».

Шахно шел к полковнику не сбега и, прямо скажем, далеко не строевой походочкой, держа левую руку на автомате. На Самохине не было лица, он даже не глядел в сторону неторопливо шествующего автоматчика.

Шахно подошел к полковнику, печально посмотрел на него и тихо произнес:

— Товарищ лейтенант... (Самохин четко прототонал.) Вот... товарищ полковник, гвардии... Шахно рядовой пришел... Нет, явился за наградой... Тут Шахно пожал плечами и добавил: — Правительственная...

Полковник поглядел на грудь солдата, где уже красовались медаль «За отвагу» (Тихвин), орден Славы третьей степени (фривирование Волхова и жестокие бои у Мясного бора), две лейточки — знаки ранений. Улыбнулся и сказал:

— Слушай, боевой солдат Шахно! Ты лучше юзеешь, чем докладываешь. Получай!

Полковник вручил награду и, нарушив церемонию, сильно хлопнул Шахно по плечу. К удовольствию всего полка, а тем более поттругно Самохина.

Шахно повернулся и той же походочкой вперевалку направился в строй. И стал в первую шеренгу... не своей роты.

Вот так!

Михаил ЭДЕЛЬ

Валентин КАТАЕВ

В любом порядке

В сином себе,	Там —
в жаркой схватке	развалины дымятся,
Сотенки фашиста миги:	Там —
Бьют врага	фашистские могилы,
в любом порядке	Где стремительно
«Илы»,	промчатся
«Лаги»,	«Миги»,
«Яки»,	«Яки»,
«Миги»,	«Лаги»,
«Илы»,	«Илы»,
Русский летчик	Элегантно и красиво
крепко метит —	Каждый день,
И исмешные вояки	полны отваги,
удирают,	Чешут фривы
лишь замесят	в хаост и в приву
«Лаги»,	«Миги»,
«Илы»,	«Яки»,
«Миги»,	«Илы»,
«Яки»,	«Лаги»,

1943 г.